

НАГАЙБАКИ-БАКАЛЫ: СТРАНИЦЫ ЭТНОИСТОРИИ¹

С.Ю. Белоруссова

*Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург,
svetlana-90@yandex.ru*

Аннотация. В течение 1842–1843 гг. нагайбакские казаки со своими семьями были переселены в три района Оренбургской губернии и образовали три разные группы, каждую из которых ожидала собственная судьба. Северная группа казаков-нагайбаков в количестве 500 душ была переселена в Троицкий уезд в ст. Верхнеуевельская (Варламово), пос. Ключевский-2 (Лягушино), Попово, Болотово и Краснокаменка. При переселении нагайбаки представляли собой этническую общность, которая, однако, была подвержена влиянию со стороны русских. Северная группа, не испытавшая на себе значительного влияния миссионеров обеих религий, в настоящее время считается формально православной: среди населения заметно индифферентное отношение к религии и обрядам, как мусульманским, так и православным.

Нагайбаки этой группы получили самоназвание «бакалы» по названию Бакалинской станицы, откуда они прибыли. С течением времени бакалы приобрели еще несколько самоназваний, включая «нагайбаки», «крешены», «русские», «чермыши» и др. Частые смены и обновления самосознания и самоназвания народа, привели к тому, что многие сегодня не могут с уверенностью сказать о своей этнической принадлежности. У северных нагайбаков наблюдается повышение интереса к своему самосознанию и культуре, что вызвано, в числе прочего, успехами соплеменников — жителей Нагайбакского района. Благодаря персональной и групповой стратегии, этничность северной группы сегодня актуальна и динамична; пережив несколько смен идентичности в своей истории, северная группа в настоящее время находится в состоянии этнического дрейфа.

Ключевые слова: Нагайбаки, бакалы, северная группа, самоназвание, русские, казаки, православие, миссионеры, дрейф этничности

Введение

С момента основания Нагайбакской крепости в Оренбургской губернии туда стали заселять вновь прибывших крещеных инородцев Южного Урала. С 1740-х гг. крепость стала центром крещения Оренбуржья: там учредили отделение Казанской новокрещенской конторы, которая могла беспрепятственно осуществлять массовые крещения среди инородцев. За время ее работы в состав Нагайбакской крепости принимали как «магометан» – татар, башкир, тептярей, киргизов, так и

Белоруссова Светлана Юрьевна – научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-31-01078 «Коренные малочисленные народы (манси и нагайбаки) в этномозаике Урала» (рук. С. Ю. Белоруссова).

«идолопоклонников» – черемисов, мордву и чувашей. Все жители получали новое название — «новокрещены».

После Пугачевского восстания Нагайбакская крепость постепенно начала терять свое влияние в качестве стратегического, военного, религиозного и административного центра. Новокрещенская контора была закрыта, и масштаб крещений среди инородцев существенно уменьшился. С 1782 г. Нагайбакская и Бакалинская станицы перестали быть отдельными административными единицами и были включены в состав Белебеевского уезда Уфимской провинции. Продолжение колонизационной политики Российской империи в начале XIX в. повлекло за собой необходимость строительства новых казачьих укрепленных поселений по направлению от г. Орска до ст. Березовской, находящейся по Уйской линии. Переселенцами были казаки из крепостей и станиц Оренбургской губернии, в том числе из Нагайбакской и Бакалинской станиц с прилегающими к ним деревнями.

В 1842 г. нагайбакские казаки в количестве 1781 человека² со своими семьями были переселены в три района Оренбургской губернии и образовали три разные группы, каждую из которых ожидала собственная судьба. Большинство новокрещен-казаков были отправлены на Новую линию в числе 1250 душ мужского пола, в Верхнеуральском уезде они основали пять поселков – Кассель, Остроленский, Фершампенуаз, Париж и Требия. Южную группу в составе нескольких десятков семей нагайбаков направили в пос. Нежинка, Гирьял и Алабайтал Оренбургского уезда, пос. Подгорный и ст. Ильинская Орского уезда³. Эти населенные пункты находились на приграничной дороге от Оренбурга к Орску, поэтому переселение нагайбаков было связано с необходимостью военного усиления стратегического пространства. Северная группа казаков-нагайбаков в количестве 500 душ была переселена в Троицкий уезд, в ст. Верхнеувельская (Варламово), пос. Ключевский-2 (Лягушино), Попово, Болотово и Краснокаменка. Эти села и деревни к тому времени были заселены русскими крестьянами, которые не желали переходить в казачье сословие, поэтому в те земли привлекали казачество из других уездов Оренбургской губернии.

История заселения

Освоение территории расселения северной группы нагайбаков началось в 1730-е гг. и было связано с застройкой Уйско-Тобольской оборонительной линии, преградившей с юго-востока доступ киргизам и каракалпакам; в 1750-е гг. были основаны Верхнеувельская и Кундравинская слободы. По воспоминаниям современников, «здесь всюду застроились целые селения, хутора и заимки, давшие начало многим нынешним большим селам»⁴.

Изначально эти места заселялись русскими крестьянами: согласно указу Исетской провинциальной канцелярии, основателю Верхне-Увельской слободы было велено записать до 100 семей государственных крестьян во вновь заводимую Увельскую слободу из Окуневского и Исетского дистриктов⁵. Кундравин-

² ГАОО. Ф. 6. Оп. 15. Д. 1085. Л. 4 об.

³ Судя по всему, эта группа была переселена раньше других, в первой половине XIX в. См.: Аминов 2015.

⁴ Чернавский 1900, 60.

⁵ РГАДА. Ф. 613. Оп. 1. Д. 47. Л. 3-4 об.

ская слобода в свою очередь была заселена «переведенными [крестьянами – С.Б.] из разных слобод Исетской провинции»⁶.

В 1763 г. в Верхнеуевельской слободе числилось 388 душ мужского пола, из которых 42 проживали в д. Попово и 40 в д. Ключевской⁷. Название д. Попово происходит от основателя поселения – русского крестьянина Попова, а пос. Ключевский-2 – «от массы находящихся около него ключей (родников)»⁸. Пос. Болотово образовался в 1830-е гг. и был заселен русскими крестьянами из Самарской и Симбирской губерний;⁹ название пос. Болотово образовано «от первопоселенцев русских жителей Болотово». Наконец, пос. Краснокаменский с самого начала был заселен «инородцами-бакалинцами в 1840-х гг.»¹⁰ и получил свое именование «от красных гор, около коих находится это селение»¹¹.

Во избежание чересполосицы между Старой и образовавшейся Новой линией было принято Положение от 12 декабря 1840 г., по которому «часть казенных земель прилинейных уездов – Челябинского, Троицкого и Оренбургского – должны быть причислены к Оренбургскому казачьему войску»¹². Правительство пыталось представить принятие казачьего статуса как привилегию, и в своих указах писало об определении в «почетное» казачье сословие.

Крестьянское население, которое обязали записываться в казачество, в целом без энтузиазма восприняло данное положение. Три года спустя вышло еще два указа от Правительства и Сената, по которым крестьянам Оренбургского, Троицкого и Челябинского уездов вновь предписывалось зачисляться в казачество, причем обращение в обратный переход в податное сословие не рассматривалось¹³. Дело доходило до недовольства и бунта: во время смотра в ст. Кундровинской несколько казаков явились не в форменной, а в обычной крестьянской одежде с бородами, что, по мнению начальства, было несоблюдением императорского указа. Нарушителей привезли в Оренбург, однако они не признали своей вины, за что «бунтовщики» несколько раз были прогнаны сквозь строй и после жестокой экзекуции в живых остался всего один казак»¹⁴. Многие все же приняли казачий статус, однако те, кто в свое время выказывал «неповиновение» при «поступлении в казаки», лишался правительственных льгот¹⁵. По наблюдениям священника Казанско-Богородицкой церкви Болотовского поселка Иоанна Сальникова, новообращенные в казачество русские были «по распоряжению начальства “прикрыты в казаки”»,¹⁶ то есть их крестьянский образ жизни несильно изменился с момента перехода в новое сословие.

Русские крестьяне, которые отказались переходить в казачество, перебрались в другие уезды Оренбургской губернии. Известно, что крестьяне Нижне- и Верх-

⁶ Лепехин 1802, 176.

⁷ ГАПК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 93. Л. 3.

⁸ ГАОО. Ф. 173 оп. 3 д. 5262. Л. 385.

⁹ ГАОО. Ф. 173 оп. 3 д. 5262. Л. 390.

¹⁰ ГАОО. Ф. 173 оп. 3 д. 5262. Л. 390.

¹¹ ГАОО. Ф. 173 оп. 3 д. 5262. Л. 391 об.

¹² Картунов 2013, 264–265.

¹³ Полное собрание законов Российской империи 1844, 295–296.

¹⁴ Кобзов 1992, 21.

¹⁵ ГАОО. Ф. 6, оп. 11, д. 748. Л. 168.

¹⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л. 1 об.

неувельской волостей также отказывались от перехода в казачье сословие, и по этому поводу они «должны были переселиться на другие свободные земли»¹⁷, причем большая часть этих крестьян переместилась в Бузулукский район. На освобожденные крестьянами земли направили других казаков, в числе которых были переселенцы из Нагайбакской и Бакалинской станиц: в Кундравинскую слободу прибыли 350 казаков, а в Верхнеувельскую – 140¹⁸. Переселяя нагайбаков, правительство надеялось на их обрусение, однако бакалинские нагайбаки поселились отдельными группами. Священник пос. Болотово так охарактеризовал взаимодействие русских и бакалинцев:

Придя в Болотово, они поселились отдельно от русских, чуждых им и до сего времени по языку, правам и обычаям, не имея с ними никаких сношений, кроме деловых, поселковом правлении, на базарах и то редко¹⁹. Улицы их [бакалинцев – С.Б.] не проездные, т.е. через них нет ни одной дороги никуда. Можно прожить в бакалинской улице не один год и не увидеть ни одного русского, не услышать ни одного слова русского²⁰.

Замкнутая жизнь бакалинских нагайбаков распространялась на родство и свойство: «Браки заключаются только с бакалинцами, и никогда – с русскими»²¹. Нагайбаки так и не смешались с другими народами, более того, по прошествии времени почти во всех поселках, куда были направлены нагайбаки (Ключевский-2, Болотово, Краснокаменка и Попово), они оказались в численном большинстве. Например, по сообщению местных жителей, с. Попово стало полностью нагайбакским, когда последние русские переехали за 12 километров от села. Исключением оказался только наибольший по численности пос. Варламово (Верхнеувельский), в котором русское население осталось в большинстве, и часть нагайбаков ассимилировалась с ним.

Сразу после переселения казаки-инородцы были приняты настороженно русскими жителями. Пришлые нагайбаки создали им «этническую конкуренцию»: старожилы вспоминают о соперничестве между школьниками из Попово и Варламово. После окончания начальной школы в с. Попово нагайбаки продолжали обучение в с. Варламово, в котором жили преимущественно русские. Они относились к нагайбакам, как к «чужим», не стесняясь в насмешках: «Когда мы в школе учились, нас никогда в буфет русские не пускали, говорили “эй, бакалята, уходите отсюда!”» Нагайбаки северной группы рассказывали, что по их адресу бытовала дразнилка: «Бакала-бакала две копейки не дала».²² Восприятие нагайбаков как

¹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 748. Л. 166.

¹⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6619. Л. 150.

¹⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л. 2 об.

²⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л. 4.

²¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л. 5.

²² ПМА 2014, Челябинская обл., Чебаркульский район, с. Попово.

«чужих» заметил о. Василий Тимофеев, который объезжал нагайбакские села в 1889 г.:

К литургии собралось из бакалинцев много народа – мужчин и женщин; только они стеснялись пройти вперед. По прочтении часов, я просил стоящих впереди русских, чтобы они пропустили их поближе к алтарю. Я заметил, что местные прихожане из русских пренебрежительно относятся к бакалинцам²³.

Нагайбаки-школьники слабо знали русский язык и стремились сблизиться с русскими: «Мы на русских молились, учились у них»²⁴. Стремление подражать русским привело к тому, что нагайбаки-бакалы стремились записываться в официальных документах «русскими».

Нагайбаки и православные миссионеры

Судя по всему, северная группа нагайбаков особенно не испытала влияния со стороны мусульман. Однако на волне массового перехода нагайбаков южной группы и пос. Требии священники проявляли чрезвычайную бдительность насчет работы мусульманских проповедников. В 1909 г. миссионеры писали, что «магометанская пропаганда усилилась среди нагайбаков и Троицкого уезда». По их сообщению, татары г. Троицка посылали «торговцев-разнощиков, которые ходят по домам для продажи товара и в то же время раздают нагайбакам формы прошений об исключении нагайбаков из числа православных»²⁵. Очевидцы сетовали, что в пос. Попово «магометанская пропаганда с каждым годом все более усиливается, некоторые нагайбаки уже начали исполнять магометанские посты, например семейство Зулкарниева»²⁶. Священники с тревогой сообщали, что в пос. Краснокаменском «в 1905 году дочь нагайбака Краснокаменского поселка девица Александра Егорова Кимвина вышла замуж за татарина Ушкульской деревни... Есть слух, что некоторые нагайбаки этого поселка уже начали исполнять магометанский пост»²⁷. Кроме того, по сообщению краснокаменского священника, татары «распространяли Высочайший манифест от 17 апреля 1905 года с толкованиями в пользу мусульман»²⁸. Оказалось, что «мусульманская пропаганда» среди нагайбаков северной группы была сильным преувеличением со стороны священников, при этом «сами нагайбаки недоумевают, откуда распространяются слухи о пропаганде среди них мухамеддан»²⁹.

По мнению священника пос. Ключевский-2, «случаев отхождения от православия в магометанство не было и можно полагать, что не будет, хотя татары-магометане и проживают здесь, но живут только в качестве наемных рабочих у

²³ Тимофеев 1890, 202.

²⁴ ПМА 2014, Челябинская обл., Чебаркульский район, с. Попово.

²⁵ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1908 год 1909, 405.

²⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.15.

²⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.15 об. – 16.

²⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.16.

²⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.19 об.

состоятельных нагайбаков и не испытывают религиозного влияния на них»³⁰. Священник из пос. Попово отметил, что татары «сами находятся под просветительным религиозным влиянием нагайбаков, и троих из них в 1910 году [удалось] провести в лоно православной христианской церкви»³¹. С другой стороны, священник пос. Болотово предположил, что «[мусульманская – С.Б.] пропаганда действует скрытно, очень хитро», однако уточнил, что «случаев отхода в мусульманство не было»³².

В отчетах священников о религиозном состоянии бакалинцев можно встретить противоречивые мнения. Большинство полагало, что, несмотря на усилия, их так и не удалось обратить в лоно православия. Священник пос. Ключевский-2 В. Асамов писал, что «мужчины и женщины, живя среди русских, довольно свободно говорят по-русски, но отвлеченные религиозные понятия приходится изъяснять им, даже и грамотным, на их родном языке, иначе они не поймут»³³. Священник пос. Попово отметил, что впервые бакалинцы заказали сорокоуст по усопшему лишь в 1911 г., и «это единственный случай из известных мне в истории Верхнеуvelьского прихода»³⁴. И. Сальников так охарактеризовал положение жителей пос. Болотово в начале 1900-х гг.: «Богослужение некоторые из них не посещали по несколько лет. Есть такие, которые в церкви были два раза в жизни – в день крещения и в день венчания... На вопросы, почему не ходят в церковь, отвечают – “некогда”, на увещание – “так точно”»³⁵. Одновременно священник И. Скворцов писал, что «нагайбаки предпочитают молиться в храме» и «указание о том, что некоторые нагайбаки держат уразу – несправедливо. Правда, они слабо выполняют установленные церковью посты, но великий пост блюдут практически все»³⁶.

Проезжая через бакалинские поселки, Василий Тимофеев общался с местными жителями: «Я просил их рассказать об Иосифе. – “Не знаем”, был ответ. – “Когда и где родился Иисус Христос?” – “Не знаем”, отвечали они»³⁷. Возможно, это объясняется тем, что православные миссионеры не проводили столь масштабных мероприятий среди троицких нагайбаков, как это было в центральной и южной группах. В бакалинские поселки почти не приглашали проповедников из числа крещеных татар – в большинстве их был русский священник, не особенно заинтересованный в приверженности нагайбаков православию.

Путешественник М.А. Круковский отметил, что христианство у северной группы нагайбаков в начале XX в. не прижилось: «они не христиане и не мусульмане, в религиозных убеждениях у них какая-то смесь». В прошлом они были «воинственным народом» и сейчас входят в состав «уральского казачьего войска». Круковский одновременно отметил богатые украшения на нагайбакских женщинах, а также «страшную нищету» и «пьянство» в деревне, в чем он винил христи-

³⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 73. Л.1.

³¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.7–7 об.

³² ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л. 6.

³³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 73. Л. 1.

³⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.12 об.

³⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.4.

³⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.7 об.

³⁷ Тимофеев 1890, 160.

анскую религию³⁸. «Они были насильно обращены усердными миссионерами в христианство, но, забросив старую веру, от новой они не получили ничего, кроме возможности пить вино»³⁹. Путешественник предрекал скорейшее «вырождение этого народца», которого осталось всего несколько тысяч. После непродолжительного пребывания в ст. Ключевка-2 он «уезжал с таким тяжелым чувством, какого никогда не испытывал в своих скитаниях по России»⁴⁰.

Сегодня среди жителей северной группы можно отметить индифферентное отношение к религии и обрядам – как мусульманским, так и к православным. Согласно опросу, среди нагайбаков есть много тех, кто не крещен или никогда не был в церкви, однако считают себя православными. В понимании нагайбаков соблюдение церковных обрядов и православная вера – не одно и то же. Большинство нагайбаков северной группы считает себя «православными, но не религиозными». Некоторые, в том числе пожилые люди, выросшие при советской власти, признаются, что «не верят в бога» и считают себя атеистами. Жительница с. Попово рассказала: «Я не верю, креститься не могу. Вот телевизор посмотрю, там иконы, и это спасает». Сегодня бакалинцы подшучивают над своей религиозностью, житель с. Попово Николай Уряшев рассказал народный анекдот о происхождении бакалинских нагайбаков: «Иисус и Аллах пошли вместе в бане мыться – так и получились бакалы»⁴¹.

Самоназвание и самосознание

Северная группа нагайбаков имеет несколько самоназваний, из которых самым распространенным является «бакалы». Судя по всему, их предками были выходцы из деревень, принадлежащих к Бакалинской станице. «Они не стародавние местные жители, а переселенцы сюда из Мензелинского уезда Бакалинской волости, отчего их и называют бакалинцами или бакалами, слово же “нагайбак” вообще не употребительно»⁴², – писал священник Сальников. Нагайбак Ф. Альметьев, описывая историю своего народа, отметил, что «казаки из Нагайбацкой станицы поселились в Верхнеуральском, Орском и Оренбургском уездах, а из Бакалинской станицы в Троицком уезде, почему и по настоящее время казаки эти именуются “бакалинцами”, а не “нагайбаками”»⁴³.

В миссионерских отчетах и этнографических заметках северную группу причисляли к нагайбакам, но называли «бакалинцами» или «бакалами». Их самоназвания удивляли тех, кто впервые знакомился с этим народом. Путешествуя по Южному Уралу в 1908 г., Круковский подъехал к станице Ключевка-2 Троицкого уезда и поинтересовался, что за народ живет в этих местах. Сопровождавший его башкир Абдул описал местных жителей станицы так: «Обыкновенные хлебопашцы, а народ-то особенный: ни татары они, ни башкиры, ни киргизы, а просто бакалы». Круковскому казалось, что «на земном шаре, тем более в России нет такого народа “бакалы”». Он вспоминал: «”Я бакалятник”, – отвечал спрашива-

³⁸ Белоруссова 2016, 102.

³⁹ Круковский 1909, 267.

⁴⁰ Круковский 1909, 268.

⁴¹ ПМА 2014 Челябинская обл., Чебаркульский район, с. Попово.

⁴² ГАОО. Ф. 173. О.10. Д.104. Л. 1.

⁴³ Альметьев 1911, 1098.

емый, и больше ничего не мог сообщить. Я немало помучился, прежде чем узнал настоящее, этнографическое название этого народа». «По ученому название наше нагайбаки... А вот откуда мы приходим и какого племени – этого сказать не могу. Должно быть, что-нибудь монгольское, поскольку язык смахивает на башкирский»⁴⁴, – сообщил путешественнику священник станицы⁴⁵.

Название «бакалинцы» использовали в речи русские жители, жившие по соседству. Прозвище настолько прижилось, что нагайбаки стали себя определять как «бакалы» и говорить «по-бакалински». На сегодняшний день это самоназвание в обиходе среди чебаркульских нагайбаков. «Бакалы – это неофициальное название, а нагайбаки – официальное», – рассуждает нагайбачка из с. Ключевка-2. Другая жительница полагает, что «бакалы – это разновидность малой народности». В самосознании народа одновременно уживаются понятия «бакал» и «нагайбак» благодаря народной легенде о происхождении нагайбаков: «Иван Грозный загонял всех в озеро Бакал и крестил нагайкой, поэтому мы бакалы и нагайбаки», – рассказывают чебаркульские жители.

Самоназвание нагайбаков на их языке – *крешеннер*, что означает «крещенные». «Мы себя крешенами называем, нагайбаки – официальное название, а бакалы – между собой», – считает Елизавета Юзеева из с. Ключевка-2. Отдельную роль в самоназваниях нагайбаков сыграли записи в паспортах и переписях населения. По воспоминаниям местных жителей, бакалы не выбирали, какой национальной принадлежности они будут записаны в паспорте; их могли записать как «русскими», так и «татарами», хотя есть и редкие случаи записи «нагайбаками». Надежда Яковлева рассказывает: «В 1974 г. брат получал паспорт, его спросили, кто он по национальности, татарин или русский, он сказал, что нагайбак. Ему ответили, что нет такой нации, и записали татарин. А меня записали русской». Галина Яковлева из с. Болотово заявила, что считает себя русской, потому что «русские и бакалы веры одной»; однако в последующих рассуждениях, сравнивая «свои» и русские обычаи, приходит к выводу, что «у бакалов все по-другому, чем у русских».

Помимо этого, в с. Ключевка-2 удалось обнаружить несколько жителей, которые называют себя «чермышами» и считают себя отдельной малочисленной общностью, частью «бакалинского народа». Мужчину называют «чермышом», а женщину – «чермышкой». Потомственная «чермышка» Валентина Леонидовна сообщила, что в прошлом они считались татарами, жившими «у Казани»: затем они переселились в с. Ключевка-2, «перешли в казаки» и получили новое самоназвание. Не исключено, что «чермышы» – это потомки жителей Черемшанской крепости. По сообщению И.И. Лепехина, там проживали новокрещенные «Мордва, Чуваши, Казылбыши и вышедшие из киргизского плена Азиатцы, а также татары, жившие “по своему закону”»⁴⁶. Как и в Нагайбакской крепости, часть жителей относилась к казачьему сословию, а остальные – к ясачному. Известно, что в 1830–1840-е гг. большая часть населения Черемшанской крепости (около 1800 человек) из числа бывших пахотных солдат была переселена на реку Урал.

Потомки чермышей считают, что их предки были мусульманами, не ели свинину и держали уразу. «Соседка у меня была, когда приходила в гости, и супом

⁴⁴ Круковский 1909, 261.

⁴⁵ Белоруcсова 2015, 19.

⁴⁶ Лепехин 1802, 137–138.

угощали, то она спрашивала, из чего суп? Если свинина, то говорила, что не буду есть, только чай попью, если же суп был гусиный или говяжий, то садилась есть». Потомственная чермышка о своей этнической принадлежности рассудила так: «Я русская по паспорту. Моя бабушка держала и православный пост и уразу-байрам. А вообще-то мы татары, говорю на бакалинском, и черт его знает, кто я». На вопрос, кто такие «чермышы», представители этой группы высказывались, что «это наша порода» или «это наша нация»⁴⁷.

Подобный дрейф этничности, связанный со сменой и обновлением самосознания и самоназвания народа, привел к тому, что многие сегодня не могут с уверенностью сказать о своей этнической принадлежности: «Кто я? русская? нагайбачка? крешенка? бакалинка? У нас вообще ничего не поймешь», – сетует жительница с. Попово. «Язык у нас бакалинский, нагайбаками считаемся, себя называем крешены, а в паспортах написано, что мы русские».

Сегодня чебаркульские нагайбаки считают наименование «бакалы» скорее обидным прозвищем, чем самоназванием. Судя по всему, это мнение сложилось несколько лет назад и связано с недавними успехами нагайбаков центральной группы (включение в перечень коренных малочисленных народов, возрастающий интерес со стороны исследователей) и желанием быть причастными к их достижениям. Изменение отношения к самоназванию в основном коснулось жителей наиболее активного в этническом плане с. Попово. Последние события обновили этничность северной группы нагайбаков так, что они готовы к смене самоназвания: «Раньше я была бакалушкой, сейчас это неправильно, я – нагайбачка», – рассказывает старожилка с. Попово. Некоторые с раздражением высказываются о том, что их называли бакалами: «Это русские так нас дразнили, а мы – нагайбаки». «Для меня оскорбительным было называться бакалами: не было такой нации, а были нагайбаки. И у меня в свидетельстве о рождении, и у бабушек и дедушек в паспортах написано, что мы нагайбаки», – рассказывает Надежда Уряшева из с. Попово. Кроме того, в слове «бакалы» улавливается и значение «лягушатники» (в языке нагайбаков *бака* – «лягушка»), имевшее насмешливый оттенок.

Жители с. Ключевский-2, Болотово и Краснокаменка, которые менее включены в «нагайбакское движение», воспринимают самоназвание «бакалы» спокойно. «Слова “нагайбак” и сейчас нет в обиходе, есть “бакалы”, а нагайбаки живут в Нагайбакском районе», – рассказала жительница с. Ключевский-2. Приезжая русская жительница с. Попово подтвердила, что самоназвание «нагайбаки» появилось не так давно: «Слово “нагайбаки” я не слышала, только по прошествии лет они нагайбаками стали, а до этого были бакалы». Татарка из с. Попово выразила удивление, что ее односельчане теперь называются нагайбаками: «Я всегда слышала, что они бакалы, нагайбаки – это другие, наверное»⁴⁸.

В 1881 г. бакалинских нагайбаков насчитывалось 1741 чел⁴⁹. В 1912 г. в пос. Ключевский-2 проживало 230 семейств, из них русских – 135, а нагайбаков – 95

⁴⁷ ПМА 2015. Челябинская обл., Чебаркульский район, пос. Варламово, с. Попово, Ключевка-2, Болотово, Краснокаменка.

⁴⁸ ПМА 2015. Челябинская обл., Чебаркульский район, пос. Варламово, с. Попово, Ключевка-2, Болотово, Краснокаменка.

⁴⁹ Стариков 1891, 155.

семейств⁵⁰ (в целом 375 нагайбаков обоего пола⁵¹). В Верхнеуевельском приходе нагайбаки составляли 15 % от всего населения; в большинстве они жили в с. Попово: «Из 171-го двора только 20 принадлежат русским жителям, остальные же 151 нагайбакам»⁵². В самом Верхнеуевельском поселке в 1910 г. проживало 479 нагайбаков (86 дворов)⁵³. В Краснокаменском поселке в то время проживало 30 семейств русских и 90 семейств нагайбаков⁵⁴.

Согласно переписи 1926 г., нагайбаков северной группы насчитывалось 3227 человек⁵⁵. В 1933 г. они составляли 6,1 % от общей численности населения Бишкильского района Уральской области⁵⁶. По данным переписи 1939 г., нагайбаки не были выделены в отдельную общность, и северная группа растворилась среди татар и русских Чебаркульского района Челябинской области. Сегодня, имея возможность официально называться нагайбаками, они предпочитают по-прежнему считаться русскими, хотя не отрицают своей исходной принадлежности к нагайбакам. По воспоминаниям нагайбачки Валентины Сошниковой, при проведении Всероссийской переписи населения 2002 г. в с. Попово лишь шесть-семь человек записались «нагайбаками», еще пять – «кряшенами», два-три – «бакалами».⁵⁷ По сообщению жительницы с. Ключевский-2, в 2010 г. переписчикам был дан инструктаж записывать «нагайбаками» всех желающих. Однако Галина Юзеева из с. Краснокаменка столкнулась с тем, что во время переписи ее не захотели записывать нагайбачкой или бакалушкой: «Мне сказали, что нет такой нации, сказали записываться татаркой или русской. Я записалась русской». Согласно переписи 2010 г., в северной группе нагайбаками записались 142–147 чел⁵⁸, хотя по частным наблюдениям, их не менее 1000 человек.

Этничность для чебаркульской группы сегодня актуальна и динамична – во многом благодаря активности лидера чебаркульских нагайбаков Надежды Уряшевой. 14 октября 2012 г. в с. Попово открыли Музей нагайбакской культуры, позднее был организован фольклорный коллектив «Чишме». Чебаркульские нагайбаки признают, что всему «учатся у своих старших товарищей» – наиболее многочисленной центральной группы нагайбаков, проживающих в Нагайбакском районе.

Чебаркульские нагайбаки готовы к нововведениям в своей культуре. 9 мая 2015 г. жители с. Попово провели традиционный поминальный обряд Аш биру⁵⁹ в необычной форме – его посвятили павшим воинам-нагайбакам, поскольку «они погибли, а Аш биру по ним до сих пор не был сделан». Несмотря на то, что «праздничный» обряд Аш биру на 9 мая отличался от традиционного, все нагайбаки прониклись идеей и внесли по 1000 рублей на его проведение. Организаторы

⁵⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 73. Л.1.

⁵¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.10.

⁵² ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.7.

⁵³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.11.

⁵⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л.14 об.

⁵⁵ Атнагулов 2015, 310.

⁵⁶ Елькович (ред.) 1933, 399.

⁵⁷ ПМА 2014. Челябинская обл., Чебаркульский район, с. Попово.

⁵⁸ Атнагулов 2015, 191.

⁵⁹ Традиционно поминальный обряд Аш биру проводится по усопшему близкому родственнику, сопровождается заколом коровы и праздничной трапезой в доме умершего.

старались по мере возможности соблюсти традиционный сценарий Аш биру. На обряде присутствовали жители и гости села разной этнической принадлежности, большинству пришлась по душе идея «обновленного» нагайбакского обряда. Таким образом, благодаря персональной и групповой стратегии, этничность нагайбаков-бакалов сегодня выглядит «не рудиментом традиции, а постоянно генерируемым явлением»⁶⁰.

Заключение

При переселении нагайбаки представляли собой этническую общность, которая, однако, была подвержена влиянию со стороны. Северная группа, не испытывавшая на себе значительного влияния миссионеров обеих религий, сегодня считается формально православной. У чебаркульских нагайбаков наблюдается повышение интереса к своей этничности и культуре, что вызвано, в числе прочего, успехами соплеменников – жителей Нагайбакского района. Пережив несколько смен идентичности в своей этноистории, северная группа и сегодня находится в состоянии этнического дрейфа.

ЛИТЕРАТУРА

- Альметев, Ф. 1911: Этнографическая заметка «Нагайбак». *ОЕВ* 49, 1097–1099.
- Аминов, Р.Р. 2015: Формирование и расширение поселенческой структуры Оренбургских татар-казаков в кантонный период (1798–1840). *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья* 25, 6–33.
- Атнагулов, И.Р. 2015: Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика. Магнитогорск.
- Белоруссова, С.Ю. 2015: Траектория этничности нагайбаков. *Вестник Челябинского государственного университета* 24 (379), 17–24.
- Белоруссова, С.Ю. 2016: Этнофотографическое путешествие Михаила Круковского по Южному Уралу. *Уральский исторический вестник* 2 (15), 98–104.
- Головнев, А. В. 2011: Этничность и идентичность на Урале. *Уральский исторический вестник* 2 (31), 40–49.
- Елькович, Я.Р. (ред.) 1933: Бишкильский район. *Уральская советская энциклопедия*. Свердловск–Москва.
- Кобзов, В.С. 1992: Новая линия. *Вестник Челябинского университета* 1 (3), 12–26.
- Кортунов, А.И. 2013: Особенности заселения новых районов Оренбургского казачьего войска и результаты мероприятий по увеличению контингента оренбургского казачества в 40-х гг. XIX в. *Вестник Башкирского университета* 18, 1, 264–267.
- Круковский, М.А. 1909: *Южный Урал. Путевые очерки*. М.
- Лепехин, И.И. 1802: *Продолжение Дневных записок путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году*. Ч. 2. СПб.
- Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1908 год, 1909: *ОЕВ* 48, 402–410.
- Полное собрание законов Российской империи, 1844: Собр. 2. Т. XVIII. Отд. 1. 16811. СПб.
- Стариков, Ф.М. 1891: *Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты*. Оренбург.

⁶⁰ Головнев 2011, 40.

Тимофеев, В.Т. 1890: Миссионерское путешествие по инородческим приходам Оренбургской епархии. *ОЕВ* 6. 201–204.

Чернавский, Н.М. 1900: *Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем*. Оренбург.

REFERENCES

- Al'metev, F. 1911: Etnograficheskaya zametka «Nagaybak». *Orlovskie eparhial'nye vedomosti* 49, 1097–1099.
- Aminov, R.R. 2015: Formirovanie i rasshirenie poselencheskoy struktury Orenburgskikh tatar-kazakov v kantonnyy period (1798–1840). *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* 25, 6–33.
- Atnagulov, I.R. 2015: Identichnosti nagaybakov: genezis, struktura, dinamika. Magnitogorsk.
- Belorussova, S.Yu. 2015: Traektoriya etnichnosti nagaybakov. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* 24 (379), 17–24.
- Belorussova, S.Yu. 2016: Etnofotograficheskoe puteshestvie Mihaila Krukovskogo po Yuzhnomu Uralu. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* 2 (15), 98–104.
- Chernavskiy N.M. 1900: *Orenburgskaya eparhiya v proshlom eye i nastoyashchem*. Orenburg.
- El'kovich, Ya.R. (red.) 1933: Bishkil'skiy rayon. *Ural'skaya sovetskaya enciklopediya*. Sverdlovsk–Moscow.
- Golovnev, A.V. 2011: Etnichnost' i identichnost' na Urale. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* 2 (31), 40–49.
- Kobzov, V.S. 1992: Novaya liniya. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta* 1 (3), 12–26.
- Kortunov, A.I. 2013: Osobennosti zaseleniya novykh rayonov Orenburgskogo kazach'ego voyska i rezul'taty meropriyatiy po uvelicheniyu kontingenta orenburgskogo kazachestva v 40-h gg. XIX v. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* 18, 1, 264–267.
- Krukovskiy, M.A. 1909: *Yuzhnyy Ural. Putevye ocherki*. Moscow.
- Lepyeihin, I.I. 1802: Prodolzhenie Dnevnykh zapisok puteshestviya doktora i Akademii nauk ad'yunkta Ivana Lepyeihina po raznym provinciyam Rossiyskogo gosudarstva v 1770 godu. Ch. 2. Saint-Petersburg.
- Otchet o deyatel'nosti Orenburgskogo eparhial'nogo komiteta Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva za 1908 god, 1909: *Orlovskie eparhial'nye vedomosti* 48, 402–410.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, 1844: *Sobr. 2. T. XVIII. Otd. 1. 16811*. Saint-Petersburg.
- Starikov, F.M. 1891: *Istoriko-statisticheskiy ocherk Orenburgskogo kazach'ego voyska s prilozheniem stat'i o domashnem byte orenburgskikh kazakov, risunkov so znamen i karty*. Orenburg.
- Timofeev, V.T. 1890: Missionerskoe puteshestvie po inorodcheskim prihodam Orenburgskoy eparhii. *Orlovskie eparhial'nye vedomosti* 6, 201–204.

NAGAYBAKS-BAKALS: CHAPTERS OF ETHNO-HISTORY

Svetlana Yu. Belorussova

*Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Russia,
svetlana-90@yandex.ru*

Abstract. During 1842–1843 Nagaybak Cossacks with their families were resettled into three districts of the Orenburg province, and formed three different groups, each of them had its own way. The Northern group of Nagaybak Cossacks of 500 people settled in Troitsk District in

Verhneuvetskaya (Varlamovo), Klyuchevskiy-2 (Lyagushino), Popovo, Bolotovo and Krasnokamenka villages. During this relocation Nagaybaks represented an ethnic community, which, however, was influenced by the Russian population. The Northern group was not subjected to the significant influence of the missionaries of both religions. Nowadays it is formally considered orthodox: the population demonstrates an indifferent attitude towards religion and rituals both Muslim and Orthodox.

Nagaybaks of this group named themselves «Bakals» after the name of Bakalinskaya village, where they had come from. In the course of time different ways Bakals named themselves took place including «Nagaybaks», «Kryashens», «Russian», «Chermyshs» and others. Frequent changes and renovation of self-awareness and self-designation resulted in the fact that today many people can't safely say about their ethnicity. The Northern Nagaybaks demonstrate the increasing interest to their ethnicity and culture, which is caused by, among other things, the compatriots' success of Nagaybak District. Due to the personal and group strategy, the ethnicity of the Northern group today is relevant and dynamic. Having gone through several changes of their identity, today the Northern group is in a state of ethnic drift.

Key words: Nagaibaks, Bakals, the northern group, self-name, Russians, Cossacks, Orthodox, missionaries, drift of ethnicity
